Толстого к сомнениям в нравственной допустимости (не менее того!) искусства, в праве (тоже не менее того!) посвятить себя ему приведет прежде всего сладостная неудержимость художнического порыва в нем самом. Та невозможность не писать, которая приносила ему наивысшее наслаждение и заставляла в мгновения творчества забывать про все на свете, кроме своего писания. Заставляла в этом состоянии верить, что оно одно лишь важно. И его, так зло осмеявшего Наполеона, побуждала думать, что, когда он пишет, то на него смотрят века с вершины египетских пирамид.

Между тем мир, в который входили его книги, оставался прежним. Толстой же все настойчивей хотел, чтобы мир изменился совершенно, и от каждого требовал сразу же прямых и немедленных в этом именно направлении, предполагающих полное отрешение от самого себя поступков, считая, что доступны они всякому и для всех обязательны непреложно. И создатель «Войны и мира» и «Анны Карениной» с неумолимой последовательностью объявит художническую деятельность неоправданной и непростительной.

В письме 1893 г. Лескову он скажет, что «совестно писать про людей, которых не было и которые ничего этого не делали», а потом повторит тогда же для себя в дневнике: «Совестно писать неправду, что было то, чего не было». Только сам он так и не сможет перестать «предаваться опьяняющей лжи», перестать «выдумывать» — и тайком от себя, не отдавая в печать, никому не показывая, будет, трудясь на земле, писать в то же время «Хаджи-Мурата», «Живой труп».....

В чеховской «Чайке» Треплева разоружит, сделает бессильным его не отвердевающая в профессиональное мастерство художническая впечатлительность и чувствительность (Чехов пометит о нем в записной книжке: «Треплев не имеет определенных целей, и это его погубило. Талант его погубил»). А рядом у Тригорина отнимет остающиеся все-таки едва ли не каждому простые радости жизни как раз выработавшийся профессионализм в его занятиях искусством. И отданное ему драматургом авторское горькое сетование на отгороженность от жизни из-за своих литературных приемов и трудов перейдет к Тригорину застрявшей в чеховском сознании литературной цитатой. Может, Нину Заречную только и спасает отсутствие, по-видимому, у нее глубокой и подлинной художнической даровитости.

У Горького в «На дне» именно Актер со свойственной ему склонностью вживаться в «предлагаемые обстоятельства» не сможет вернуться к прежней житейской повседневности, когда последняя вновь станет для него реальностью, и покончит с собой.

А Бунин в лирическом рассказе 1924 г. «Книга» от собственного имени предъявит счет всей мировой культуре оптом за то, что она уводила его в мир «никогда не бывших, выдуманных» лиц и переживаний, не дав задуматься и рассказать о себе самом. «Полжизни прожил в каком-то несуществующем мире, среди людей никогда не бывших, выдуманных, волнуясь их судьбами, их радостями и печалями, как своими собственными, до могилы связав себя с Авраамом и Исааком, с пелазгами и этрусками, с Сократом и Юлием Цезарем, Гамлетом и Данте, Гретхен и Чацким, Собакевичем и Офелией, Печориным и Наташей Ростовой. И как теперь разобраться среди действительных и вымышленных спутников моего земного существования? Как разделить их, как определить степень их влияния на меня?» — можно будет прочесть в рассказе. И еще: «Зачем выдумывать? Зачем героини и герои? Зачем непременно роман, повесть, с завязкой и развязкой? Вечная боязнь показаться недостаточно книжным, недостаточно похожим на тех, что прославлено! И вечная мука — вечно молчать, вечно не говорить раз о том, как что есть истинно твое и единственно настоящее, требующее наиболее законно выражения, то есть следа, воплощения и сохранения хотя бы в слове».